

Без “Травиатты” было неуютно

Мариинский театр — 1995. — № 1. — С. 2

Премьерные спектакли “Травиаты”, возвращенной в репертуар Мариинского, прошли в самом начала наступившего года. А восьмого января не стало Галины Ковалевой, незабываемой Виолетты 60-х — 70-х годов, блиставшей в постановке, на основе которой сделана нынешняя. Грустное совпадение побудило еще пристальнее приглядеться к сегодняшней реальности спектакля и снова поразмыслить о правомочности возвращения к давно пройденному.

Такова уж “драматургия” Мариинки нынче, что постоянно идет возрождение старых названий в прежних декорациях, но с разной степенью режиссерской свободы в заданных рамках. Строго говоря, подобные “предлагаемые обстоятельства” мало пригодны для настоящей, высокой режиссуры. Но практика оперного театра (я полагаю, и на Западе) иной раз диктует необходимость компромиссных решений. Это вовсе не снимает обязательности определенного художественного уровня подобных работ и хоть минимальной их актуализации — будь то иная актерская или певческая техника, новые смысловые акценты или свежие режиссерские штрихи. Подобными путями обычно дышится жизнь в то, что кажется уже безнадежно мертвым. Хотя компромисс все равно будет “выглядывать из-за кулис”.

Многими своими параметрами старо-новая “Травиата” подходит под такое определение. Конечно же, это компромисс, прежде всего, по внешнему образу. Стилильные декорации Татьяны Бруни, отвечавшие веяниям 60-х годов, так им и отвечают. Это, слава Богу, не соцреализм, но явная идеализация атмосферы вокруг Виолетты, традиционная для советской сцены. Однако с художественной точки зрения и в смысле стиливого единства декорации нареканий не вызывают, и это оправдывает их присутствие на сцене сегодня.

В рамках заданных декораций режиссер Алексей Степанюк, второй раз попадающий в подобное положение, пытается выстроить свой спектакль, не пренебрегая советами и воспоминаниями старожилов Кировско-Мариинской сцены. (Так рождается забавная версия авторства в премьерной программке: “Впервые по в о с с т а н о в л е н и и”, но “режиссер-п о с т а н о в щ и к — Алексей Степанюк.”)

Со свойственным ему сдержанным вкусом, Степанюк не навязывает

спектаклю кричаще-новаторских “образных решений”, но организует действие умело, со знанием сцены. Небольшие вольности противу прежнего варианта — к примеру, смысловая арочка между прелюдией и вступлением к последнему действию, сценически трактованная как растянутые во времени воспоминания умирающей Виолетты о былых днях (идея не новая, диктуемая очень сходной в обоих оркестровых эпизодах музыкой) — не нарушают общую стилистику представления, но придают ему новую светотень.

Во всем остальном режиссура состоит в грамотной организации действия в пространстве и в работе с исполнителями.

Если не считать легких штрихов, Степанюк и Ольга Кондина тоже не стали вводить Виолетту об общепринятой идеализации. Такова традиция спектакля, таков его антураж; в том же ракурсе подавала свою героиню незабываемая Галина Ковалева. Но ее голос и интонация были так богаты, так объемны по смыслу, что актрисе удавалось рассказать практически одним пением о кровоточащем внутридушном конфликте Виолетты, и драма из социальной, как ее обычно пытались подать, становилась психологической и очень простой. Говорю это отнюдь не из желания сравнивать — сие было бы неэтично. Обращаю внимание на другое: вряд ли правомерно нынче оставлять в стороне ту данность, что героиня “Травиаты” все же “травиата” (падшая); и не столько ангел, сколько Магдалина, хотя, в соответствии с Верди, святая Магдалина.

Как бы то ни было, певица Кондина с честью справляется с партией, а образ, который она создает, не лишен обертонов живой природы и обаяния. Что трудно, к сожалению, сказать о Маргарите Алавердян, актрисе красивой, певице тонкой и умелой, но не обладающей, на мой взгляд, сочностью голоса и эмоциональной подвижностью для вердиевской Виолетты.

А что же партнеры главных героинь?

О Юрии Марусине уже сказано, кажется, все, прибавить на сей раз нечего. Виктор Черноморцев богат голосом и импозантной stature, но ни тонкостью манер, ни интонационной гибкостью не поразил. А жаль. Уж очень хороша его певческая природа.

В целом, если не считать удручающе скверного выступления Валентины Богдановой в качестве Флоры, спектакль и в сценическом,

и в музыкальном отношении (дирижер Михаил Кукушкин) — культурен, корректен и в состоянии доставить меломану определенное удовольствие. А временами приятно развлечь и его глаз. Правда, что касается глаза, всякий мало-мальски знакомый с изобразительным искусством XIX века зритель заметит, что полного декольте без рукавчиков *a la* Голливуд в те времена не носили даже дамы полусвета, но пусть это будет самой большой бедой оперного театра!

Так что же, радоваться или огорчаться тому, что “полу-новая” “Травиата” идет в “полу-старом” варианте?

По мне, так компромисс в данном случае уместен. Были бы только достойные исполнители да неусыпный музыкальный и режиссерский контроль. А совсем без “Травиаты” в музыкальном театре не уютно.

Нора ПОТАПОВА
На снимке: О. Кондина (Виолетта)
и Ю. Марусин (Альфред).
Фото Юлии ЛАРИОНОВОЙ